

Сергей СОЛОУХ

ВТАПОРЫ СПАЗАРАНУШКУ

*Поэт – искатель красоты  
И тайн душевных выразитель;  
Поэт – источник чистоты  
И чувств живых изобразитель.*  
1909

«Былое нельзя воротить», – как-то меланхолично замечал наш прекрасный бард, имея в виду ужин при свечах в отдельном кабинете. Ужин по спецталону в столовой Нижнетагильского горкома не отзывался в душе поэта острым желанием вернуться в электрический свет лампочек Ильича. Что, в общем, и близко, и понятно. Прошлое нужно человеку только совершенное, которое манит блаженством. Уверенностью в том, что там, далеко-далеко, позади, за «кирпичом» небесного ГИБДД, уже оборваны все связи, окончательно, уж все бури отгремели и ничего плохого по самому определению произойти на может. У светофора безумец не откроет дверь, не плюхнется на заднее сиденье, на перекрестке пьяный не ударит со всей дури в бок зубастым радиатором ГАЗ-21.

Лишь радость, лишь предвкушение, ах, Александр Сергеич стоит, ах, «Александр Сергеич прогуливается... ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет...». Красота. Радость, подобную которой мне недавно доставил один из чудеснейших патриархов нашей литературной критики и художественной публицистики Сергей Боровиков, в журнале «Знамя» напечатав маленькую рецензию<sup>1</sup> на большую заметку<sup>2</sup>, мою, в журнале «Нева». Вообразите, не репост из «ВКонтакте» в «Телегу», не коммент в «Рутьюбе» на ролик в «Тик-токе», а бумажный отклик на бумажную публикацию, и все это в бумажной периодике. Ну, не блаженство ли каких-нибудь шестидесятых, эпохи полемики «Нового мира» и «Октября», «Литературной газеты» и «Молодой гвардии»? Какой флэш-бэк! Не тридцать секунд между постом и откликом, а ровно 4 (четыре) месяца! Вот это жизнь. Вот это время, вот это период томительных предвкушений и оправдавшихся в конце концов ожиданий. Красота времен проводных телефонов и ламповых радиол. Само совершенство. Ах, не зря Александр Сергеевич прогуливался. Не напрасно. Прекрасное и чаемое случилось.

Впрочем, в данном конкретном изводе четвертого или, там, пятого измерения пространства и времени прогуливался не Александр Сергеевич, а Александр Ефимович. Да, Александр Ефимович Котомкин, тот самый поручик в отставке, которым, в святом неведении поэта, сам себя некогда воображал Булат Шалвович Окуджава. Иными словами, блаженство вот оно, двойное, тройное, подлинное с перекличками. И захотелось его продлить, еще раз «воротить» то, что по всем законам и канонам принято полагать невозвращаемым. А именно, послать бумажный привет Сергею Григорьевичу Боровикову в бумажный журнал «Знамя» через бумажный журнал «Волга». Оп-ля. Продолжить разговор, получается, через семь или даже восемь месяцев. Как в старые добрые шестидесятые. В долгую паузу между одним гимном и другим. Подхватить прекрасные слова, вынесенные Сергеем Григорьевичем в заголовок его знаменской рецензии «блажь целеполагания».

Поговорить, порассуждать о психологии поэта. Которому так хорошо, так сладко в прошлом, в то время как будущее... одна мысль о нем приводит неизменно в ужас и

<sup>1</sup> Сергей Боровиков. Блажь целеполагания // Знамя. – 2025. – № 6.

<sup>2</sup> Сергей Солоух. Между К.Р. и «ЛЕФ'ом» // Нева. – 2025. – № 2.

буквально, ну то есть физически, навевает священный трепет. Тем более, что Александр Ефимович, как и Булат Шалвович, пройдя путь жизненный до самого его естественного предела, сумел в прошлое, блаженное и сказочное, вернуться. Одним из самых последних изданных текстов Котомкина, и уж точно самой его последней прижизненной книгой, увидевшей свет, стала ностальгическая проза. «Из старой Святой Руси. Воспоминания о Заволжском крае»<sup>3</sup>, изданная в Германии в немецком переводе:

*Сельское население нашего Заволжского края в царские времена жило в большом изобилии. Бог дал им все блага земли...*<sup>4</sup>

Это первые строчки, первый абзац первой главки. Хорошо-то как. Между тем в 1904-м все тому же Александру Ефимовичу Котомкину картина родного края, как в узком, так и в самом широком понимании этого топонима, представлялась немного в ином свете:

*В городах ли больших или в селах глухих  
Всюду льются крестьянские слезы;  
Далеко, далеко стоны слышатся их,  
Заглушая счастливые грезы...*

*Порасскажет мужик про житье и бытие,  
Как послушаешь, сердце сожмется...  
Он утрется полкой – и опять за свое, –  
Песнь унылая вновь раздается*<sup>5</sup>.

Нет ли тут беспринципности? Не с мошенником ли имеем дело? Бессовестным и беспардонным человеком? Еще и бесталанным, наверное? Стоит ли он, вообще, Александр Ефимович, того, чтобы с ним в «Яр» заскочить «хоть на четверть часа»?

Безусловно, как всякий поэт. Не важно, равный ли А. Сергеевичу, с талантом подобным молнии небесной, или же таким, как у А. Ефимовича, схожим с огоньком в лампадке. Свет и того, и другого, особенно среди ночи, пусть и по-разному, но западает в душу. И остается в ней. Порой навек. А то, что концы с концами ни строк, ни самой жизни порой не сходятся, так на то и поэт. Блаженный, мечтатель. Snílek – как не без иронии, но и не без легкой нежности, называли А.Е. Котомкина хорошо его знавшие по Сибири времен Гражданской войны чехи<sup>6</sup>. Видящий сны наяву.

И в этом, дневных и ночных грезях, была прямая необходимость. Взаимообусловленность дел и явлений. Поскольку поэтом, человеком все время чего-то ищущим, взыскующим, в сумерках, во тьме и мраке окружающего мира, сделала Александра Ефимовича Котомкина, крестьянского мальчика из деревни Савино под Царевококшайском, трагедия. Ранняя утрата родителей. Сиротство.

Бесспорно, стихи Котомкина первых лет его творчества – это подлинная, хотя и очень наивная, да и незатейливая, но поэзия... Поэзия, в которой есть свой лирический мир – несколько связанных и повторяющихся на разный лад мотивов, из которых главный – ожидание прихода иного мира, иного царства, где все не так, как на земле сейчас. Бесконечное ожидание сна и сновидений, несущих если не немедленное спасение, то по крайней мере немедленное забытие... тепло и ласку...

---

<sup>3</sup> Kotomkin A. Aus dem alten Heiligen Rußland. Erinnerungen aus dem Trans-Wolga-Gebiet. I. Teil. Flensburg: Im Selbstverlag des Verfassers. 1962. (Далее K1962).

<sup>4</sup> K1962, с.13 (здесь и далее все переводы мои. – С.С.).

<sup>5</sup> Котомкин-Г-в [Герпулев]. Собрание стихотворений 1900–1904. Казань.: типография А.М.Петрова, 1904. С. 20.

<sup>6</sup> Fink, Pavel. Umírající království: Glossy a materiály ze zápisníku válečného korespondenta. Praha: Památník odboje, 1921, s. 91.

*Солнце блистает  
Сквозь тучи осенние, –  
Хмурые, черные тучи  
Ветер вздыхает,  
А грезы вечерние  
Носятся в вихре созвучий<sup>7</sup>*

1907

*С ним, этим счастьем, разбитая грудь  
Вновь испытает уладу забвения;  
Пуститься снова в неведомый путь, –  
Станут, как прежде, звучать песнопения...<sup>8</sup>*

1908

*Мнится будто светлоокий  
Ангел прилетел  
И про лучший мир далекий  
Чудный гимн запел*

*Жадно вслушиваюсь в пение  
В сладком полусне,  
И от муки и сомнения  
Легче стало мне<sup>9</sup>*

1907

Несколько неуклюже, конечно, это «и от муки и сомнения легче стало» в смысле избавился от проклятых, но, с другой стороны, невозможно не отдать должного наблюдательности и проницательности автора предисловия к первому представительному собранию ранних вещей Котомкина, августейшего поэта К.Р., во всеуслышание отметившего и «бедность рифм» и «недостаточную образность» и «повторения»<sup>10</sup>, а про себя, между тем, еще и самое важное – главный, основополагающий мотив... И в личной уже беседе рекомендовавшего молодому автору искать столь чаемого утешения и забвения не в неверных объятиях Морфея и убаюкивающих песнях таинственного соловья, а в подлинном и достоверном историческом материале. С его бравадой, героикой и драмой. Автор «Царя Иудейского» знал, конечно, о чем говорил... Еще бы...

Но эта простая ремесленная, здоровая прагматика чуть было не сгубила человека бесконечно далекого от всех и всяческих раскладов и расчетов, непосредственного, как воды Волги и Кокшаги. Лет тридцать Александр Ефимович Котомкин искал своего ангела, путеводную звезду не там, где надо. То составлял целые сборники кантат в честь самого К.Р.<sup>11</sup>, то погружался в эстонский эпос<sup>12</sup>, то в Яне Гусе<sup>13</sup>, гордом чужеземном проповеднике, видел спасительный утес, твердую почву, средь страшных и ненадежных

---

<sup>7</sup> Котомкин А.Е. Сборник стихотворений (1900–1909). Со вступительной статьей К.Р. СПб.: Артистическое заведение т-ва А. Ф. Маркс, 1910. С. 50 (далее К1910).

<sup>8</sup> К1910, с. 51.

<sup>9</sup> К1910, с. 47.

<sup>10</sup> К1910, с. II.

<sup>11</sup> Котомкин А. Песни, посвященные Августейшему Поэту К.Р. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу». Киев: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1915.

<sup>12</sup> Котомкин-Савинский А. Князь Вячко и меченосцы. Историческая поэма. Петроград: Типография т-ва А. Ф. Маркс, 1916.

<sup>13</sup> Котомкин А.Е. Ян Гус. Историческая драма в стихах. Тюмень: Электро-типография кооперативного товарищества «Свободное слово», 1919.

волн повседневности... Но скромная техника, при отключении души и сердца – вечных и неизбывных источников тоски и боли, давала, при всем гражданском пафосе и остроте той или иной темы, за годом год по большей части строки, годные, ну, разве только на сырье какого-нибудь злему, пощады не знающему Николаю Макаровичу Олейникову:

*Твоими темными лесами,  
Как милой девы волосами  
Он любовался...*<sup>14</sup>

...

*Чуть открывал ее наряд  
Грудей упругих виноград*<sup>15</sup>.

И даже редкие лирические мгновения, уход от шума времени, истории, слишком уж приблизившейся к поэту, с ее бравадой, героикой и драмой, с ежедневными и ежеминутными, не меченосцами и Гусом, а Троцким (конечно же, Бронштейном, а как же), Семеновым и Каппелем, Лениным и Милюковым, воскрешения, весны и счастья, как прежде не сулили. Глоток того самого по определению Осипа Мандельштама «ворованного воздуха», возвращение спонтанное главного мотива, прочувствованного глубоко и естественного у сироты из Савино, – чудесное грядущее спасение, избавление от мук и горя в каком-нибудь далеком сказочном, прекрасном царстве, полном любви, мысль ныне вели лишь к смерти, к царству, увы, только и исключительно загробному...

*О, песня, песня, многострадная!  
Своих лохматых не стыдись, –  
Коль жить не даст борьба нещадная –  
На крыльях к Богу поднимись...*<sup>16</sup>

Терапевтический эффект – важнейший внутренний эффект, оказываемый процессом стихосложения на самого составляющего связанные рифмой и ритмом столбики слов, основа, собственно, самоподдержания и постоянства этого процесса, исчез. И стоит ли удивляться, что к концу тридцатых Котомкин замолчал. Просто перестал писать стихи. Александр Ефимович сменил роль творящего свое на роль исполняющего чужое. О чем случалось уже писать<sup>17</sup>, но не было случая рассказать, что именно гусли, русские самогуды, («Его руки над струнами и деревянной декой кажутся парой многоопытных пауков, сплетающих и расплетающих свои щупальцы в хороводе нескончаемых знаков взаимного почтения. Почтения музыкального») вернули поэту, изверившемуся в силе и верности слова, «блажь целеполагания». Поэзию. Волшебную страну «Втапоры и Спозаранушку», прекрасную, с ее теплом и светом, что видел он когда-то, мальчиком, воочию во тьме ночной заволжской избы. То самое царство, в котором мечтал найти спасение, забвение и любовь:

*Думаю, все думаю.  
Как дурак Иванушка  
Ждал Жар-птицу чудную,  
Вставши спозаранушка*<sup>18</sup>

...

---

<sup>14</sup> Котомкин А. За Россию. Париж, 1927. С. 103 (далее К1927).

<sup>15</sup> К1927, с. 59.

<sup>16</sup> К1927, с. 139.

<sup>17</sup> Сергей Солоух. Черное и белое // Новый мир. – 2024. – № 7.

<sup>18</sup> К1927, с. 121.

*Втапоры Илья почуял силы на Вселенную,  
Только выпил браги чару драгоценную  
Словно мощный дуб поднялся со скамьи резной...*<sup>19</sup>

«Силы на» всю ширь ее? или все же чтобы одолеть? «Вселенную» – это в любом случае не слишком ловко сказано, ну, да и дуб, вдруг вскидывающийся со скамьи, встающий, как из кадки, но разом во весь рост – это опять в копилку Николая Макаровича, но и не важно. Важна «блажь»! А она подлинная. И спасительная. Рождающая как роман «Путешествие дилетантов» Булата Шалвовича, так и книгу «Из старой Святой Руси» Александра Ефимовича. И то, и другое возвращает в прошлое. В уютную страну. Где за глухим, навеки опущенным шлагбаумом небесного ГИБДД одни лишь ели, да качели. Полная ясность. А главное никто и никогда уже не выскочит на встречу. Колес не скрутит на стоянке и лобовик не разобьет. Все зафиксировано навсегда, все неподвижно... И сожжены мосты...

В последней главе своих прощальных прозаических воспоминаний «Из старой Святой Руси» Александр Ефимович Котомкин раскрывает тайну своего первого поэтического псевдонима Котомкин-Герпулев. Под этим именем выступал автор сборника стихов 1904 года и маленькой карманной книжечки 1907 «Блаженной памяти Св. Иоанна Златоуста»<sup>20</sup>, после чего поэт стал подписываться совсем просто Котомкин, ну, а в особо торжественные дни – Котомкин-Савинский. Почему-то этот «Герпулев» не хотел даваться исследователям жизни и творчества поэта<sup>21</sup>. А между тем Котомкин-Герпулев, Алексей, как рассказывает другой Котомкин, Александр, – мирское имя монаха Аверкия, некогда благословившего юношу, своего дальнего родственника, следующим образом:

*...мой дорогой племянник... Бог благословил тебя великим даром, поэтическим талантом... Однако твой жизненный путь будет густо усеян терниями, скорбями и испытаниями. Вижу я также на твоей голове шапку монаха-миссионера... ибо Господь Бог пошлет тебя в чужие земли, чтобы проповедовал ты русским гуслиаром тамошним людям имя Христово*<sup>22</sup>.

В умильной книге Александра Ефимовича к монашеству и святости пришел Аверкий, крестьянин Котомкин-Герпулев, через посты, радение и прилежное чтение священных книг. Современная «Православная энциклопедия» рассказывает историю иную, кстати, Андрея Котомкина, а не Алексея: «Растратив деньги, полученные от продажи урожая, А. не вернулся в родительский дом и в глубоком раскаянии, решив оставить мирскую жизнь, направился в свияжский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь, где принял монашество...»

И снова встает вопрос, тот самый, что был задан в самом начале. Мошенник перед нами, плут? Ответ, конечно, нет! Человек, спящий наяву. Сделавший поэзию свою, а когда не очень-то с ее помощью получилось, то старых волжских гуслиаров, средством достичь блаженства на земле. Заменявшего в привычном целеполагании, бытовом, общественном, смысл на блажь. И так укрывшись, спасшись наконец. Найдя любовь. Да. Закрыв глаза, заткнувши уши и зажав нос...

И тут, самым естественным образом, на ум приходит вопрос последний... И это счастье?

Один из вариантов. Конечно. Во всяком случае, совершенно непонятно, что собирался делать наш прекрасный бард «в “Яре” хотя бы четверть часа». Скинуть пальтецо швейцару на руки и снова у него принять, отдав за эту нехитрую процедуру

<sup>19</sup> К1927, с. 93.

<sup>20</sup> Котомкин-Герпулев А. Блаженной памяти Св. Иоанна Златоуста. Казань: Братство Христа Спасителя, 1907

<sup>21</sup> «Смысл имени “Герпулев” разгадать пока не удалось» (Стариков С.В. Александр Котомкин (Савинский). Жизнь, творчество, судьба. Йошкар-Ола: ООО «Издательский дом “Сельские вести”», 2012. С. 21)

<sup>22</sup> К1962, с. 60-61.

гривенник? Но сколько людей при этом мечтало к барду присоединиться. Закрыв глаза, заткнувши уши и зажав нос... Блажь целеполагания, она такая. Заразная, хотя и лечится, увы...